

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81-112

Н.П. Анисимова

ИЗ ЖИЗНИ ПАРАДИГМЫ: ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИКИ

С позиций историко-эпистемологического подхода к эволюции лингвистических идей высказываются соображения относительно путей становления и развития научной парадигмы в лингвистике. Обсуждаются: понятие парадигмы, объект исследования, круг рассматриваемых в рамках парадигмы проблем, этапы развития парадигмы.

Ключевые слова: парадигма, структурализм, функционализм, когнитивизм, триадическая модель семиотики, тривиум.

Что такое парадигма и почему можно применять это понятие по отношению к истории лингвистических учений? Автору этой статьи неоднократно приходилось сталкиваться с неприятием этого концепта в данном контексте, а также полемизировать на эту тему [1–4]. Выражая глубокую благодарность редакционной коллегии за возможность еще раз высказаться на эту тему, позволим себе избрать тезисную форму изложения.

Почему парадигма?

Прежде всего попытаемся определиться с тем, что такое парадигма и каким образом можно использовать этот концепт при историко-эпистемологическом подходе к эволюции лингвистических идей. В платоновской философии парадигма – это мир идей, прототип воспринимаемого мира, в котором мы живем [7: 149]. В лингвистике – это: «1) в широком смысле – любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего – совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями <...>; 2) модель и схема организации такого класса или совокупности» [6: 366]. В применении к эпистемологии научной дисциплины следует, видимо, выделить следующие характеристики данного концепта: а) совокупность идей, отражающая проблематику, составляющую предмет исследования данной дисциплины; б) наличие у этих идей некоего общего признака или определенной связи; в) присутствие некоего организующего их принципа.

Выдвигая концепт научной парадигмы, мы признаем, что научное знание в каждый исторический период не хаотично, оно: а) определенным образом организовано; б) отражает определенный фрагмент (или фрагменты) того «воспринимаемого мира», который и составляет предмет изучения той или иной научной дисциплины.

Исторически термин «парадигма» по отношению к эволюции научных идей стал применяться с 60-х годов прошлого века сначала в теории научных революций Т. Куна (по отношению к экспериментальным наукам), затем широко – в философской школе Л. Альтюссера и его последователей (для гуманитарного знания). Идея прерывистости научного знания, отсутствия преемственности, отрицания всякого «кумулятивизма» присутствует во всех вариантах рассуждений по поводу эволюции научных парадигм в период французского структурализма.

Общий знаменатель

Чтобы говорить о научных парадигмах, надо сначала определиться с «общим знаменателем» – тем самым объектом изучения, прототипом которого и является научная парадигма. В применении к науке о языке предпочтительнее избрать термин «феномен языка», так как он, на наш взгляд, наиболее широк и отражает в самом общем виде то явление, которое призвана изучать наука о языке.

Далее необходимо определить круг проблем, составляющих «прототип» объекта изучения – человеческого языка. Общим принципом выделения общелингвистических проблем может служить проблема знака и его значения как ключевая проблема, лежащая в основе всякой лингвистической теории [1].

Применяя этот принцип, можно выделить следующие аспекты языкового феномена, составляющие «прототип» объекта изучения лингвистики (в нашем исследовании он был представлен как виртуальный полюс эпистемологической системы координат): происхождение языка, эволюция языка, язык и мир (проблемы номинации), язык и мышление, внутренняя организация языка, язык как знаковая система, языковые универсалии, язык и общество, язык и психология, язык как основное средство коммуникации.

Дух времени

Первоначально научные парадигмы рассматривались нами как доминирующие в ту или иную эпоху направления теоретических исследований, определяющие центры их интереса и методы их изучения. Иными словами, выдвигался тезис, что в рамках каждой научной парадигмы существует ряд проблематик (под данным термином понимается совокупность проблем, подведенная под общую рубрику), что составляет исследовательскую доминанту в определенный исторический период. Этой доминанте соответствуют определенные, адекватные ее разработке, методы исследования. Такое видение научной парадигмы предполагает следующие моменты: а) отдельная парадигма не в состоянии охватить все проблематики, связанные с языковым феноменом, именно поэтому выделяется ее доминанта; б) в период господства данной парадигмы центры интереса, не входящие в доминанту, остаются невостребованными или маргинальными; в) проблематики,

составляющие доминанту, разрабатываются под определенным углом зрения (например, такая проблематика, как язык и мышление, присутствующая во всех трех классических парадигмах – рациональной грамматике, сравнительно-историческом языкознании и структурализме, рассматривается каждый раз по-новому).

Мы склонны считать, что парадигма – это «дух времени», она *позволяет*, но не *обязывает* избирать доминантные проблематики. Парадигма в лингвистике, несомненно, связана с господствующими в ту или иную эпоху философскими концепциями, но связь эта не прямая, а опосредованная. Именно поэтому, думается, А. Мартине призывал «освободить» лингвистику и не привязывать каждую теоретическую модель к определенному философскому учению.

Отцы-основатели – а дальше?

У всех лингвистических парадигм последних столетий известны отцы-основатели: работы, с появлением которых связано начало той или иной парадигмы. Для рациональной грамматики – это «Общая и рациональная грамматика Пор-Руаяля» А. Арно и К. Лансло; для сравнительно-исторического языкознания – это работы Ф. Боппа, Р.К. Раска, Я. Гримма, В. фон Гумбольдта; для структурализма – «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. никоим образом не преуменьшая собственного значения этих исследований, следует признать, что по отношению к порождаемой ими парадигме они главным образом являются «первым толчком» к ее разработке. Ибо парадигма – это коллективный труд не одного поколения исследователей. В инициальных парадигмально-порождающих исследованиях как раз и высвечиваются центры интереса новой парадигмы, намечаются методы ее предстоящей разработки.

«Каркас» будущей парадигмы воплощается (обретает плоть) в работах, которые зачастую ведутся независимо друг от друга. Однако в этой эволюции просматривается определенная логика. Приведем лишь «знаковые» работы для обозначения «вех», этапов становления парадигмы. Так, для структурализма в первую очередь был разработан нижний, фонологический уровень предложенной Ф. де Соссюром языковой системы (пражцы, российские фонологические школы). Затем наступает черед морфологии (А. Мартине, Л. Ельмслев) и синтаксиса (Л. Теньер).

Все эти разработки проводятся в строгом русле парадигмы, даже если в них просматриваются новые направления и горизонты исследований (функциональная лингвистика А. Мартине, трансформационная грамматика – динамический синтаксис Л. Теньера). Этот этап, на котором парадигма развивает свой теоретический потенциал, можно рассматривать как *прогрессивную фазу* ее развития.

Как уже было отмечено, теоретическая парадигма не в состоянии охватить все грани исследования языкового феномена. В определенный момент это «пренебрежение» к маргинальным для нее проблематикам приводит к

тому, что рядах исследователей появляются «еретики»: каноническая версия парадигмы «выдыхается», наступает вторая фаза эволюции парадигмы. Ее можно было бы назвать регрессивной, но на самом деле – это фаза, когда приходит осознание ограниченности поля исследования, неэффективности использования заложенных парадигмой методов для разработки новых центров интереса, необходимости преодоления «табу», наложенных «старой» парадигмой.

Примером может послужить преодоление табу канонического структурализма во французской лингвистике: антиисторизм, забвение «человеческого фактора», приоритет формы так или иначе были преодолены в период мощного развития структуралистских идей во многих областях гуманитарного знания, которое получило название французского структурализма в 60-80-е годы прошлого столетия [1]. Поэтому эту фазу предпочтительнее назвать *фазой вариативности*, поскольку она, помимо преодоления табу и расширения границ исследовательского поля, готовит пришествие новой парадигмы. Если по отношению к структурализму сложно говорить о переходе к какой-то конкретной новой парадигме в силу недостаточной исторической дистанции¹, то переход от сравнительно-исторического языкознания к структурализму весьма убедительно подтверждает этот тезис. Анализ теоретических моделей, предшествующих появлению «манифеста структурализма» Ф. де Соссюра как для французской лингвистики [1], так и для российской [2], показывает, что структуралистские идеи появляются уже в лоне самого компаративизма.

Таким образом, можно утверждать, что не только разработка проблематик той или иной парадигмы является общим делом всего (или большей части) научного сообщества, но и подготовка к переходу к новой парадигме осуществляется коллективно.

В этом отношении фигура Ф. де Соссюра появляется в новом свете: компаративист, возвращенный на «немецкой науке», признанной в ту эпоху единственно возможной и истинной, внесший значительный вклад в разработку этой научной парадигмы (как известно, его ученик А. Мейе всегда прославлял именно эту заслугу своего учителя), сумел услышать и понять новые тенденции, «выломиться» из парадигмы, сделать качественный скачок и основать новую парадигму – структурализм.

Как уже было отмечено, у научной парадигмы есть своя внутренняя логика эволюции: помимо того, что она проходит две фазы в ходе своего развития, она *должна* их пройти. На примере сравнительно-исторической парадигмы в рамках российской лингвистической традиции можно увидеть, что искусственная остановка ее развития в результате внешних политико-социальных катаклизмов (изменение политического режима, насаж-

---

¹ Многие специалисты предпочитают говорить сейчас о «внутреннем взрыве» лингвистической дисциплины: что есть современная нам парадигма: когнитивизм, функционализм на новый лад, коммуникативная лингвистика? Время покажет.

дение яфетической теории и новой теории о языке) лишь временно приостановило ее прогресс.

Приведем пример известной статьи В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова, написанной в 1956 году, в которой авторы предлагают меры, необходимые для ликвидации отставания в области сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков [5]. Они сводятся к следующему:

- провести критический анализ научного наследия русской науки в области компаративистики;
- дать критическую оценку новейших историко-фонетических, историко-морфологических и историко-лексикологических гипотез, появившихся в индоевропеистике за последние 25–30 лет;
- выявить все обоснованные элементы этих теорий, которые могли бы быть использованы для перестройки сравнительной грамматики индоевропейских и иных языков.

Очевидно, что авторы осознают тот факт, что сравнительно-историческая парадигма в ее российском (советском) варианте на тот момент еще не «выработала свой ресурс», и ощущают необходимость его реализации. Не стоит забывать также, что компаративизм в России уже в конце XIX-го века нес в себе зачатки структурализма: различение диахронических и синхронических исследований, преодоление конфликта между ними (синхрония как частный случай диахронии), а в дальнейшем – успешное применение структуралистских методов в сравнительно-исторических изысканиях. Это один из примеров возможного сосуществования научных парадигм.

Куда уходят парадигмы

Чтобы ответить на этот вопрос и избежать обвинения в кумулятивизме или дисконтинуизме, вернемся к определению парадигмы. Если научная парадигма – это прототип объекта, знание об объекте (в определенную историческую эпоху), то так или иначе следует признать, что этот прототип имеет следующие характеристики: он эволютивен, коллективен, проходит через две фазы развития, ограничен в размерах исследовательского поля и методах, не жесток (дух времени), конечен в плане эвристического потенциала.

Кроме того, анализ выбора центров интереса научных парадигм в лингвистике показывает, что каждая последующая парадигма как бы «отрицает» предыдущую, но частично возвращается к исследовательскому полю своей пред-предшественницы (ср. рациональную грамматику и структурализм). Спиралеобразная эволюция характерна и для лингвистики. Следует подчеркнуть, что при этом каждый раз объект – языковой феномен – рассматривается по-иному.

Все это позволяет предположить, что парадигмы не отправляются на свалку истории (дисконтинуизм) и не просто прибавляют каждый раз немного нового знания о языковом феномене (кумулятивизм), но они в ходе истории *строят наше знание* о нем, расширяя его и углубляя, открывая его новые грани, позволяя увидеть его каждый раз по-новому.

Что делать с триадой?

Первоначально триадическая модель семиотики (Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис) рассматривалась нами как интеллектуальная система – семиотический базис, предопределяющий распределение общелингвистических проблематик между частями данной семиотической системы. Триада противопоставлялась интеллектуальной системе тривиума в качестве семиотического базиса европейской лингвистической традиции в противоположность ее англо-саксонскому варианту. В более близком приближении можно, видимо, считать, что триада послужила основанием для развития отдельной парадигмы – триадической. Ее англо-саксонское происхождение несомненно, но ее «наполнение», разработка и логика ее внутренней эволюции оказалась стремительной (50–80 годы прошлого столетия) и международной. Начало ее эволюции, несомненно, следует соотносить с первыми синтаксическими моделями Н. Хомского (когнитивисты, видимо, возразят – ведь именно с него началась «хомскианская революция»). Однако нас интересует, в данном случае, именно лингвистическая разработка разделов триады. Итак, первым был разработан отдел синтактики. Затем под воздействием критики Н. Хомский присоединяет к своей модели семантическую составляющую. Так рождается генеративизм и трансформационализм, лингвистически «культивирующий» синтаксический и семантический разделы триады. Позднее наступает эра прагматики. Триада иерархизируется: глубинные структуры (которые вполне поддаются формализации), «восходят на поверхность» (по разработанным правилам), воплощаются на уровне поверхностных структур – но все под контролем и в зависимости от прагматических факторов. Прагматика играет роль вершинной дисциплины, этакой, как говорят французы, *cerise sur le gâteau* – «вишенки на торте».

Автору статьи неоднократно довелось обращаться к критике прямого применения триадической модели в лингвистических исследованиях [1; 3], в особенности, с точки зрения процедуры. При этом приходится констатировать, что методический аппарат, разработанный в рамках триадической модели, успешно применяется в теоретических концепциях не англо-саксонского происхождения (например, во Франции – Б. Потье, А. Кюльоли). При этом многие авторы, применяя этот аппарат, причисляют себя к структуралистам.

Высказанные соображения – это развитие концепта научной парадигмы в лингвистике. Принимая тезис о том, что триадическая модель в ее лингвистическом воплощении может рассматриваться как парадигма, мож-

но сделать вывод о сосуществовании и взаимопроникновении парадигм в современную нам эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Н.П. Современные французские семантические теории (историко-эпистемологический анализ) : монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 196 с.
2. Анисимова Н.П. Structuralisme et grammaire historique et comparée : linguistique russe entre deux paradigmes // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 1. – С.9–43.
3. Анисимова Н.П. Принципы построения теоретической модели во французской лингвистике // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2006. – № 3(20). – Вып. 6 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.3–9.
4. Анисимова Н.П. К вопросу о статусе эпистемологии лингвистики // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2007. – №12(40). – Вып. 7 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.3–9.
5. Виноградов В.В., Серебrenников Б.А. О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С.3–17.
6. Кубрякова Е.С. Парадигма // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.366.
7. Grand Larousse encyclopédique. – Paris: Larousse, 1963. – Т. 8. – P.149.

УДК 811.112.2'42

Т.В. Гречушникова

«КОММУНИКАЦИЯ ИДЕИ» В АЛФАВИТНЫХ ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена коммуникативному потенциалу немецкоязычных экспериментальных поэтических текстов, в основе которых лежит алфавитная структура.

Ключевые слова: алфавит, текст, эксперимент, метафора, коммуникация.

В конце XX – начале XXI веков одной из основополагающих идей, определяющих общественное сознание, становится идея толерантности. Ее проявление как в отношении иных национально-культурных социумов, так и в плане художественных практик приводит к постепенному стиранию границ между «традиционным» и «авангардным», расширению сферы применения техник текстопостроения, считавшихся ранее сугубо экспериментальными: отсутствие строфической структуры, коллажирование, графические эффекты уже не удивляют в художественных текстах; все чаще насыщаются параграфикой рекламные слоганы, немислима без нее элек-